

«ЗНАЧИТ, НЕТУ РАЗЛУК.
СУЩЕСТВУЕТ ГРОМАДНАЯ ВСТРЕЧА»

Есть люди, яркий и негасимый свет жизни которых способен осветить путь других. Таким человеком был Владимир Георгиевич Маранцман.

Во всем он стремился к совершенству — в научном поиске, в искусстве, в общении с людьми. Рядом с ним было трудно. Рядом с ним было удивительно легко.

Масштаб личности задавал сложность при-сутствия рядом и дарил вдохновляющее счастье со-причастности. Он заражал своей устремленностью к прекрасному в искусстве и жизни. Рядом с ним всегда приходилось тянуться вверх. Его дар общения с художественным текстом, поиск красоты в людях и жизни претворяли эстетические и жизненные впечатления в новых научных идеях, которые он воплощал сам или щедро дарил другим. Состояние вдохновенности жизнью и творчеством было естественной доминантой его души.

Мне посчастливилось быть его студенткой, аспирантом, докторантом. Судьба подарила Встречу с Учителем.

Эпизоды Встречи стали судьбой.

Пушкинский семинар, который вел Владимир Георгиевич, научил меня читать Пушкина.

Практика в школе с Владимиром Георгиевичем — вдохновила на учительскую профессию. Вот мой урок по «Алисе» в 5 классе, восторженный отклик Владимира Георгиевича и просьба обязательно написать статью об этом уроке. Помню мои долгие «сидения» в библиотеке в мучениях написать статью, которая, как мне казалось, должна была быть *научной*, что означало тогда в моем понимании некий текст, написанный сухим научным языком без эмоций и живых картин. Как поняла потом — Владимиру Георгиевичу нужен был живой рассказ о *действии урока*, об ответах ребят, об их живой сопричастности тексту, о встрече, которая состоялась на уроке.

Кинотеатр «Космонавт». Узнав, что мы, его подопечные по практике, не смотрели «Ностальгию» Тарковского (!), поспешил пригласить нас в кино. Помню наш восторг: *в кино с профессором!* Усиленно напряженно мы старались понять тогда фильм, который был труден и необычен для нас, не знавших еще Тарковского. Замерший зрительный зал. И *чувство дождя и одиночества человека*, которое тогда охватило сердце, до сих пор живет в моей памяти.

Последний год института. Невероятная для эпохи факультетская новость, первая ласточка перестройки,— четыре студента с филфака поедут в Оксфорд. Тогда это звучало так, как если бы сейчас речь шла о полете в космос. В списке «выбранных кафедрами» моя фамилия вскоре бесповоротно вычеркнута. Владимир Георгиевич был единственным тогда, кто вступился. Чувство сопротивления несправедливости вопреки природной тяге к самосохранению было свойством его натуры. Встреча с Оксфордом состоялась гораздо позже, через 22 года, но судьба щедро подарила тогда другие события.

Восемьдесят третий год. Владимир Георгиевич пытался помочь мне остаться учиться дальше — отсутствие ленинградской прописки не позволяло стать аспирантом— и он искал школы, в *которых можно было бы прописаться*.

Счастливые годы учительствования в эпоху 1990-х. Вдохновенность детьми и учебниками Владимира Георгиевича. Одержимость идеями — пройти с ребятами все, написать все творческие работы, предлагаемые программой Маранцмана.

Глубина мысли и чувства учебных статей, созданных им и его учениками, постоянно требовала учительского и человеческого соответствия, интеллектуального и духовного напряжения. На первых учебниках школы Маранцмана я прежде всего училась не как учитель, а как читатель. Заново открывала для себя прочитанные когда-то книги. И это было лучшей школой Читателя: школой диалога с искусством, миром, самой собой. Именно это и стало потом темой моей научной работы — которую, как всегда поразительно точно, чутко улавливая музыку твоей души, умел обозначить Владимир Георгиевич.

1999 год. 200-летие со дня рождения Пушкина. Работать в герценовском университете начала потому, что об этом попросил Владимир Георгиевич, а сказать «нет» ему было невозможно. Драматизм долгого мучительного расставания со школой сменился радостью нового неведомого мне тогда творчества — методической интерпретации.

И в начале 2000-х мне выпало счастье пройти школу методики Владимира Георгиевича Маранцмана— работать в коллективе с талантливейшими его учениками по созданию новых учебников по литературе. Прекрасные годы методического творчества, диалога с учеником, диалогов с Владимиром Георгиевичем. Новое прочтение знакомых текстов, открытие новых имен, поиски сопряжения смыслов текста и смыслов читателя-школьника. Радостное и жуткое чувство в момент завершения учебной статьи. Замирание жизни до его ответа: резкой критики или вдохновляю-

шей похвалы. Он задавал высокую планку для всего, что делал в науке сам и для всего, что делали его ученики. Рядом с ним всегда хотелось расти. Рядом с ним было куда расти.

В 2003 году я познакомилась со шведским профессором Орьяном Туреллем, который посвятил свою диссертацию литературе в русской школе. Тема для исследования, надо сказать, не просто редкая, наверное, единственная в своем роде на Западе. Не будучи знаком лично с Владимиром Георгиевичем, Орьян знал его по работам и участвовал в эксперименте по выявлению качества чтения, который в то время проводил наш герценовский университет совместно с учеными Швеции и Финляндии. Встреча переросла в дружбу на годы и научные диалоги о литературе в школе. И мне всегда было безумно жаль, что *их* встреча не состоялась. Их многое объединяло: широчайшая эрудиция и любовь к искусству, талант переводчика и бескомпромиссность в науке. В противовес показателям PISA Орьян Турелль всегда настаивал на том, что лучшие читатели — это русские школьники и студенты, и лучшие учителя литературы — это русские учителя.

Так, сам того не зная, Владимир Георгиевич Маранцман положил начало международному методическому диалогу. И сегодня я думаю о том, что русской методической школе есть, что сказать западной науке, и этот диалог сегодня, в период бездумного копирования чужих образовательных систем, насущно необходим.

Уход из жизни Владимира Георгиевича в 2007 году совпал с активным внедрением ЕГЭ по литературе, нарастающей тенденцией снижения статуса самого предмета, духовного дефолта страны и обострившейся в мировом масштабе проблеме чтения.

Владимир Георгиевич Маранцман очень остро чувствовал время. Драматические эпохи жизни страны отзывались болью и тревогой в его сердце: «Уход от гуманистической культуры стал, к сожалению, характерной приметой времени не только в России, но и во всем мире. В диапазон достоинств не входят ни интеллект, ни глубина и сила чувств, ни порыв, ни социальный протест» (*Маранцман В. Г. Цели и структура курса литературы в школе: Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5–9 классы / под ред. В. Г. Маранцмана. М.: Просвещение, 2005. С. 3*). Он верил в высокое предназначение школьного литературного образования и спасительный потенциал искусства: «Вне развития гуманистического сознания невозможен прогресс общества. Литература как предмет школьного изучения в решении этих задач играет первостепенную роль, поскольку именно искусство позволяет личностно присвоить

потенциал культуры и влиять на сознание и поведение учеников школы (Там же. С. 14).

Последнее 5-летие прошло в методической науке, за редким исключением, как попытка вписаться в формат официальных образовательных нормативов. Если в советскую эпоху принято было ссылаться на партийные документы и цитировать классиков марксизма-ленинизма, в 1990-е — цитировать из *возвращенной*, то сегодня неизменным источником для цитат стал *федеральный государственный образовательный стандарт*. Именно ему сегодня присягают на верность, быстро забыв о том, какой убийственной иронии еще недавно подвергался любой государственный акт.

Продуцирование информации, как и ее использование, стало неуправляемым потоком.

Если в 1990-е многообразие учебников по литературе давало учителю свободу для профессионального творчества, то сегодня их обилие настораживает, а отсутствие в большинстве из УМК по литературе основательно продуманных и научно обоснованных концепций — пугает, дискредитирует методiku как науку. Попытки последних лет вписать литературу в стандартный формат обречены самой сущностью предмета-искусства — всегда живого, свободного, меняющего в диалоге со временем.

Уходящий 2013 год ознаменовался внешне неожиданным поворотом общественности и государства к предмету «литература». Попытка ли это обрести национальную идею, или невозможность русскому человеку жить без поиска истины и жажды духовной свободы и мы подошли к черте, за которой дальше пустота, протест ли против бюрократизации системы образования, предвестие ли новых открытий — покажет время.

За жаркими баталиями о количестве часов, содержании обучения и формах аттестации важно не потерять сам процесс чтения как деятельности созидательной, пробуждающей эмоциональный и духовный мир человека. В спорах о классике и современности, о потребностях современных подростков — важно не потерять сам художественный текст и самого ученика, которому трудно расти, не имея корней. В разработке аттестационных требований к учителю важно не потерять человека. Ученик растет в пространстве-времени Личности Учителя. Есть ли оно и чем оно наполнено?

Масштаб личности ученого-поэта Владимира Георгиевича Маранцмана задал нам масштаб понимания цели школьного литературного образования как освоения *механизмов общения с искусством, наукой, людьми*.

Настало время перемен, время нового диалога о школьном литературном образовании, в котором Владимир Георгиевич Маранцман — наш важный и столь необходимый сегодня собеседник.

Научный и духовный потенциал методической школы Владимира Георгиевича Маранцмана дает нашему профессиональному сообществу мощную научную основу для создания новой концепции школьного литературного образования и определяет ее стратегические высокие цели.